

УДК 1(091)

ОСНОВАНИЯ РЕЛЯТИВИЗМА ДЖ. МАРГОЛИСА В СПОРЕ Р. РОРТИ И Х. ПАТНЭМА *

А. В. Косарев

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
andrkw88@gmail.com

Аннотация. Спор о реализме Х. Патнэма и Р. Рорти является примечательным событием XX в. по ряду причин. Возникнув внутри аналитической философии и привлекая в качестве аргументов наиболее актуальные концепции и идеи этого направления, этот спор в течение почти трех десятилетий своего существования балансировал на границе с релятивизмом, наименее популярным и признаваемым направлением философии XX в. Аргументы Патнэма против метафизического реализма отвергают любую «точку зрения Бога», влекут «интернализм», принимают концепцию несоизмеримости концептуальных схем и релятивизацию реальности, описываемой эпистемическим агентом, к его опыту. Аргументы Рорти отвергают не только релятивизм, но и реализм, однако концепции этноцентризма и солидарности также принимают точку зрения, согласно которой стандарты истины соотносятся с концептуальной схемой, «социологизируются» и отвечают интересам большинства. Дж. Марголис увидел в этом споре не только уход в релятивизм, но и распознал его прагматистский потенциал, что дало ему возможность защитить релятивизм, предложив его надежную версию, и построить на развитии аргументов обеих сторон неопрагматистскую философию.

Ключевые слова: неопрагматизм, реализм, релятивизм, Х. Патнэм, Р. Рорти

Для цитирования: Косарев, А. В. (2020). Основания релятивизма Дж. Марголиса в споре Р. Рорти и Х. Патнэма. *Respublica Literaria*. Т. 1. № 2. С.79-87. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2. 79-87

FOUNDATIONS OF RELATIVISM BY J. MARGOLIS IN THE POLEMIC OF R. RORTY AND H. PUTNAM

A. V. Kosarev

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
andrkw88@gmail.com

Abstract. The polemic about the realism of H. Putnam and R. Rorty is a remarkable event of the 20th century for a number of reasons. Forming within the analytical philosophy, and using the most relevant concepts and ideas of this direction as arguments, this polemic for almost three decades of its existence balanced on the border with relativism, the least popular and admitted direction of philosophy of the 20th century. Putnam's arguments against metaphysical realism reject any "point of view of God", entail "internalism", accept the concept of incommensurability of conceptual schemes and the relativization the reality described by the epistemic agent to his experience. Rorty's arguments reject not only relativism, but also realism, but his concepts of ethnocentrism and solidarity also take the view that the standards of truth

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 19-011-00437 «Неопрагматизм в философии науки: релятивизм и риторический поворот»).

correlate with the conceptual schemes, are "sociologized" and meet the interests of the majority. J. Margolis find in this polemic not only a retreat into relativism, but also recognized its pragmatistic potential, which gave him the opportunity to defend relativism, proposing its reliable (robust) version and building a neo-pragmatist philosophy on the development of the arguments of both sides.

Keywords: neopragmatism, realism, relativism, H. Putnam, R. Rorty

For citation: Kosarev, A. V. (2020). Foundations of relativism by J. Margolis in the polemic of R. Rorty and H. Putnam. *Respublica Literaria*. Vol. 1. no. 2. pp. 79-87. DOI: 10.47850/RL.2020.1.2. 79-87

Оценка XX в. современным неопрагматистом Р. Бернштейном как «века прагматизма» [Danavey, Frisina, 2006] выглядит вне контекста его собственного видения ситуации сверхоптимистичной. К 50-м годам в американских университетах популярность прагматизма сходит почти на нет. И хотя Дж. Дьюи, несмотря на преклонный возраст, все еще присутствует на публичных мероприятиях и конференциях, выступает с лекциями, однако публика воспринимает его скорее как легенду, «динозавра» интеллектуальной жизни США и мало соотносит его деятельность с прагматизмом. Укрепление аналитических позиций, философской и математической логики, философии науки, что во многом было связано с эмиграцией ряда идей из переживающей послевоенный кризис Европы, усиление популярности формальных подходов не оставляло шансов для прагматизма, в котором даже логика, если следовать точке зрения Дьюи, носила экзистенциальный и инструменталистский характер. На тот момент любой, кто предположил бы, что прагматистский проект, уступив свое место аналитической философии, завершился полным провалом, был бы недалек от истины, – настолько различными были основания этих двух направлений. Тем более удивительно, что спустя еще четверть века именно аналитическая философия послужила почвой для возрождения прагматизма и его нового подъема в той обновленной версии, которую предложил Дж. Марголис. Одной из отправных точек для этих процессов послужил один, практически частный спор о реализме и релятивизме.

Этот спор между Р. Рорти и Х. Патнэмом, наверное, можно отнести к наиболее парадоксальным событиям в философии XX в. Один из участников спора, Патнэм, как только ситуация обещала прийти к какому-либо согласию, кардинально менял свою точку зрения под влиянием аргументов другой стороны или в силу изменений собственных представлений. Формально оставаясь на точке зрения реализма, Патнэм, тем не менее, обращался к таким видам реализма, которые слабо согласовывались между собой, и очевидно, что аргументы, предложенные им и оппонентом в предшествующей фазе спора, теряли силу в последующей. Однако это мало что значило для существа спора, поскольку его оппонент, Рорти, каждый раз занимал резко провокативную точку зрения, теми или иными способами стремясь дискредитировать классическую философию. Его подход, рациональный и аргументированный по форме, по существу являлся самой настоящей вендеттой по отношению к тому способу философствования и тем позициям, на которых стояли аналитическая философия и Патнэм в частности, а потому вряд ли бы Рорти последовательно стал рассматривать возможность услышать и принять аргументы Патнэма. Наконец, обе

спорящих стороны, независимо от своих аргументов, обвиняли каждый другого в релятивизме, и тщательно защищали собственные позиции от релятивизма, несмотря на явные следы его присутствия в их концепциях пусть даже в некоторой ограниченной, слабой его версии. В своей обзорной работе по релятивизму Х. Зигель пишет: «Работы трех видных и влиятельных философов – Аласдера Макинтайра, Хилари Патнэма и Ричарда Рорти – тесно связаны с полемикой о релятивизме ... Интересно, что все трое явно отвергают релятивизм; тем не менее, все трое часто интерпретируются их комментаторами и критиками как релятивисты» [Siegel, 2004, p. 765]. Нужно понимать, что в годы, когда аналитическая философия находилась на пике своей значимости, в американской философии обвинение в релятивизме было фактически оскорблением, само слово «релятивизм» почти ругательством¹.

Как ни странно, этот спор, оставшийся безрезультатным для самих спорящих сторон, оказался значимым с точки зрения истории философии. Прежде всего, он дал толчок для появления жизнеспособной релятивистской концепции, которая в слабой форме² могла себе позволить не использовать бивалентную логику «истина/ложь», однако реализовать это можно было только изнутри прагматистских, но не аналитических установок, что, разумеется, повлекло дальнейшее укрепление неопрагматистских позиций. Кроме того, затянувшийся на десятилетия спор, вынужденно использующий самые актуальные проблемы и способы их решения, вовлекал в свою орбиту и самих аналитических философов, таких как Дэвидсон, Куайн и др., тем самым включая в дискуссию многие характерные для того момента концепции аналитической философии. Однако сама аналитическая философия вышла из этого спора в своей ослабленной версии. Термин «аналитический» допускает двоякое толкование, с одной стороны содержательное, например, как сциентизм, с другой стороны, процедурное, как крайне строгая дисциплина в отношении аргументированности и ясности позиции вне зависимости от дисциплинарного поля. К началу указанного спора философское сообщество толковало этот термин преимущественно в первом значении, а к его завершению (и не исключено, что в результате) почти разуверилось в том, что сциентизм, несмотря на свою впечатляющую строгость и формализм, действительно имеет хорошие перспективы.

Распознать в указанном споре его прагматистский потенциал сумел Джозеф Марголис, сегодня наиболее известный как философ, возродивший прагматизм в Америке и реабилитировавший релятивизм³. В самом подходе к этому спору и его оценке Марголисом ясно вырисовываются две перспективы: историческая (историко-философская)

¹ Сходное отношение к релятивизму можно найти в сборнике [Лекторский, 2015]. Однако нужно помнить, что защитников релятивизма в XX в. также было достаточно. Х. Зигель дает общее представление о главных из них: «... версии релятивизма, порожденные витгенштейновскими соображениями относительно использования языка, концептуальных схем или структур и «форм жизни»; «сильная программа» в социологии знания; множество совершенно разных позиций, которые можно было бы сгруппировать под заголовком «современный неопрагматизм»; и, что, пожалуй, наиболее удивительно, очень влиятельные работы в философии науки» [Ziegel, 2004, p. 750].

² Хотя сам Марголис называет эту версию релятивизма надежной (robust) [Margolis, 1991].

³ Очерк философии Марголиса см.: [Косарев, Вольф, 2017].

и прагматистская. Историко-философская перспектива заключается в том, что, обратив внимание на уникальность для американской философии происходящей между Рорти и Патнэмом дискуссии, Дж. Марголис решает запротоколировать весь процесс и составить то, что можно назвать формальным историко-философским отчетом, в котором отразить существо данного спора. Однако в итоге эта, казалось бы, простая задача вылилась в три тома, посвященных возрождению прагматизма, поскольку в процессе написания этих томов становилось понятно, что их задача уже вышла за рамки сухого историко-философского отчета. Она теперь заключалась в том, чтобы показать несостоятельность аналитической философии, по крайней мере, той ее части, которая непосредственно вовлекалась в спор Патнэма и Рорти, и обозначить преимущества нового прагматизма. Сам Марголис замечает, что его первая работа действительно носила сугубо «протокольный» характер и не претендовала на прагматистскую интерпретацию процессов, происходящих в аналитической философии, однако уже ее название – «Прагматизм без оснований» [Margolis, 2007] – обыгрывает колоссальный отрыв нового прагматизма от его истоков⁴. В последующих книгах Марголис отходит от историко-философских шаблонов и развивает поднятую тему дальше: во втором томе «Утрата сциентизма» он анализирует слабости аналитического направления [Margolis, 2003], а в третьем, «Преимущества прагматизма» (как и в ряде других работ) [Margolis, 2010; Margolis, 2012; Margolis, 2002], он показывает более выгодное положение прагматизма, по крайней мере в той ситуации, когда аналитическая философия сама не может последовательно придерживаться непротиворечивых аргументов и какой-то однозначной позиции. Фактически эти работы оформили теоретические основания для неопрагматизма, поскольку ни Рорти, ни другие его представители, занимая «стихийную» неопрагматистскую позицию, не ставили себе задачи ни сколько-нибудь последовательно оправдывать прагматизм, ни каким-либо образом институционализировать его.

Читателю в целом известно содержание разногласий Патнэма и Рорти, т.к. спор между ними неоднократно становился объектом внимания, в том числе и отечественных философов [Макеева, 1996; Джохадзе, 2011]. Мы же здесь хотим показать, как выстраивались взаимные аргументы сторон в пользу релятивистских позиций оппонента, что и позволило Марголису не только занять по отношению к каждой из спорящих сторон прагматистскую позицию как релятивистскую, но и существенно ее укрепить.

Итак, и Патнэм, и Рорти отвергают традиционную форму реализма – метафизический реализм. Как мы уже сказали, несмотря на то, что Патнэм крайне решительно заявлял о своем неприятии релятивизма, тем не менее, некоторые аспекты в его подходах заставляют говорить о нем как о релятивисте. Прежде всего его релятивистские интенции проявляют себя в критике «метафизического реализма», равно как и в формулировке и способах оправдания «внутреннего реализма», которые влекут «интернализм» и отвергают любую «точку зрения Бога», что дает Патнэму основания признать: «имеет ... смысл задавать вопросы только

⁴ Напомним, что одна из статей Ч. С. Пирса, «Как сделать наши идеи ясными» фактически посвящена поиску *оснований прагматизма*, и часто рассматривается как первый манифест этого направления [Пирс, 2000].

в рамках теории или описания», и что «“объекты” не существуют независимо от концептуальных схем» [Putnam, 1981, pp. 49-52]. Тем самым, продолжая защищать альтернативные разновидности реализма – внутренний и естественный, – Патнэм не может избежать определенной релятивизации, а именно, в случае обоих вариантов наиболее сильным его аргументом оказывается релятивизация реальности, описываемой эпистемическим агентом, к его опыту.

Рорти понимает релятивизм в стандартном протагоровском ключе, как «точку зрения, согласно которой каждое убеждение так же хорошо, как и любое другое» [Rorty, 1989, p. 37], и соглашается со стандартным набором аргументов самоопровержения, предложенных еще Аристотелем, что «релятивизм опровергает сам себя» [Rorty, 1991, p. 202; см. также: Вольф, 2017, с. 498-499]. Однако Рорти полагает, что такого варианта релятивизма «никто не придерживается» [Rorty, 1982b, p. 166], и взамен ему формулирует свою альтернативную позицию, которую в некоторых местах также называет «прагматизмом», разъясняя ее в терминах «солидарности» вместо ожидаемого и традиционно противопоставляемого релятивизму объективизма («объективности» у самого Рорти) [Rorty, 1991; Rorty, 1982a, p. xxxvii]⁵. Обсуждая необходимость существования каких-либо стандартов, чтобы избежать релятивизма, Рорти, однако, придерживается позиции, которая сама предполагает релятивизм: он «рассматривает обоснование как социологический вопрос», сводя его тем самым к мнению других членов сообщества: если большинство считает какой-либо тезис обоснованным, то именно он и должен приниматься [Rorty, 1993, p. 449]. На этих аргументах строится так называемый «этноцентризм» Рорти, к которому у Патнэма возникает больше всего претензий.

Каждый раз, когда сам Патнэм стремится отыскать наименее релятивизированные разновидности реализма, происходит ослабление его аргументов в пользу реализма. В частности, его отказ в рамках внутреннего реализма от концепции «истины» и подмена ее «рациональной приемлемостью», затем ее последующая идеализация в конечном итоге приведут Патнэма к естественному реализму в силу несоизмеримости конкурирующих трактовок этой «рациональной приемлемости» в разных концептуальных схемах, и тем самым, в силу отсутствия объективного критерия. Рорти, указывая Патнэму на то, что он каждый раз все глубже увязает в релятивизме, допускает, что это проблема самого реализма, и в свою очередь, отказывается от реализма любого рода, заменяя его своей концепцией этноцентризма, который, как ему представляется, способен избежать обвинений в релятивизме [Rorty, 1991, pp. 175-196, 203-210]. Рорти не собирается напрямую демонстрировать симпатии к релятивизму, наоборот, он заявляет, что некоторые могут смешивать релятивизм и анти-фундаментализм и анти-реализм, так вот, согласно Рорти, можно оставаться на таких позициях и не быть при этом релятивистом [Rorty, 1997]. Однако Патнэм показывает, что позиция Рорти непоследовательна, является самоопровергающей и в силу этого даже не его концепции, а он сам стоит на релятивистских основаниях [Putnam, 1990, pp. 20-26]. Иными словами, Патнэм, спасая реализм, формулирует концепции, в которых

⁵ О вариантах соотношения релятивизма и объективизма см.: [Вольф, 2017, с. 501-502].

возникает релятивизирующий элемент, который следует устранять поиском аргументов и выходов, тогда как Рорти, формулируя внутренне непротиворечивый концепт этноцентризма, базирующегося на солидарности, по мнению Патнэма [Putnam, 1990, pp. 23-26], крайне непоследователен и запутался в противоречиях.

Согласно Рорти, этноцентризм требует отбросить объективность в пользу причастности верам своего сообщества, т.е. если мы можем некоторое «сообщество» обозначить как большинство, то тогда этноцентричная стратегия будет означать, что принимая какую-то позицию, мы должны встать на сторону большинства в том случае, если наша личная вера будет расходиться с верой остальных. Тем самым мы проявляем солидарность на уровне одного сообщества как лояльность индивида определенной традиции, разделяемой всем сообществом. При этом солидарность, понимаемая как коммуникация несоизмеримых вер, распространяется не только на отношения индивид / большинство, но и на различные сообщества, выражая толерантность членов одного враждебного клуба другому [Rorty, 1991, pp. 203-210; Джохадзе, 2020].

При этом, во-первых, сам Рорти ни с кем не солидарен и, по крайней мере, резко противостоит мнению академического сообщества, к которому принадлежит [Джохадзе, 2020, с. 80]. Даже если заметить, что мы не можем быть членом только одного «клуба» и одновременно принадлежим разным группам (можем быть профессором университета и в то же самое время – болельщиком «Зенита»), и даже если допустить, что Рорти обращается к академическому сообществу не как *университетский профессор*, а как *свободный философ*, это тем более не дает ему права, стой он на позициях солидарности, не стремится включаться в заинтересованный разговор с целью наладить коммуникацию между разными концептуальными схемами. Во-вторых, если мы настаиваем на том, что все, что у нас есть – это неторопливый разговор, то нет нужды критиковать науку, поскольку она также ведет этот самый солидарный разговор, и значит к ней тоже нужно подходить не с позиций критики, а с позиций солидарности. И наконец, Патнэм полагает, что этноцентризм Рорти является релятивизмом, поскольку стандарты истины в нем соотносятся с концептуальной схемой. Рорти считает, что этот аргумент бьет мимо, поскольку он не признает «стандартов истины». Разумеется, такой ответ – уход от возражения, поскольку «мнение большинства», даже если отказать ему в объективности, все равно представляет собой некоторый стандарт истины для некоторого локального сообщества, членов «клуба».

Итак, из того, что сказано выше, видно, что спор Патнэма и Рорти действительно постоянно заходит в тупик, потому что они не только стоят на разных основаниях, но и отказываются хоть сколько-либо допустить состоятельность позиций контрагента. Кроме того, видно, что просто избавиться от релятивизма, независимо от предлагаемых решений, не удастся. Видит это и Марголис, который предлагает простое решение: если избавиться от релятивизма (даже) аналитическими средствами не удастся, то, вероятно, не стоит делать вид, что релятивизм не существует, и более последовательной выглядит позиция признания релятивизма вполне состоятельной концепцией. Марголис предлагает свой вариант эпистемологического релятивизма, который является существенно скорректированной версией релятивизма истины (в терминах Марголиса – реляционализма), т.н. надежный (*robust*) релятивизм, который, общих чертах, строится на исключении бивалентных значений

«истина» и «ложь» и переключается на «мультивалентные» («истина» и «не-истина»), или «истина-подобные» значения. Такой вариант релятивизма обладает некоторыми явными преимуществами перед реляционализмом, наиболее важным из которых является устранение парадоксов самореференции, о возникновении которых в релятивистских концепциях говорили Патнэм и Рорти [Margolis, 1991, pp. 8, 98-99, etc.]. Надежный релятивизм вызвал множество дискуссий и зачастую не самые лестные отзывы, особенно у аналитиков (многие писали, что Марголис излагает свою мысль неясно, что его язык труден, что у него в тексте множество повторов и мало строгих объяснений). Однако для наших целей важно не то, что Марголис сумел, включаясь в дискуссию Патнэма и Рорти, создать новую и весьма подверженную критике версию релятивизма. Мы скорее хотели подчеркнуть, что сам этот спор о *реализме*, хотя и не пришел к продуктивному результату, тем не менее строился с привлечением таких сугубо *прагматистских* допущений, как когнитивная «непрозрачность» мира, историчность и «социологичность» человеческого существования, наличие расходящихся и несоизмеримых концептуальных схем, что в свою очередь, при полной невозможности доказать постижимую сущность и «независимую» структуру мира, тем не менее ведет к весьма оптимистичным взглядам как в отношении познания, так и в отношении того, что релятивизм не только не блокирует познание мира, но и гарантирует непротиворечивые и состоятельные его формы. И что, по крайней мере, Дж. Марголис сумел распознать эту потенцию в данном споре.

Список литературы / References

Вольф, М. Н. (2017). Софистический релятивизм: миф или реальность. *ΣΧΟΛΗ. Философское агиководение и классическая традиция*. Т. 11. № 2. С. 493-504.

Volf, M. N. (2017). Sophistic Relativism: Fiction or Reality. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. Vol. 11. no 2. pp. 493-504. (In Russ.)

Джохадзе, И. Д. (2011). Патнэм vs Рорти: спор о прагматизме и релятивизме. *Эпистемология и философия науки*. Т. 30. № 4. С. 175-190.

Dzhokhadze, I. D. (2011). Putnam vs. Rorty: Polemic on Pragmatism and Relativism. *Epistemology & Philosophy of Science*. Vol. 30. no 4. pp. 175-190. (In Russ.)

Джохадзе, И. Д. (2020). Социоэтноцентризм Рорти: проблема обоснования. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. № 24(1). С. 77-88.

Dzhokhadze, I. D. (2020). Rorty's socio-ethnocentrism: the problem of its justification. *RUDN Journal of Philosophy*. no 24(1). pp. 77-88. (In Russ.)

Косарев, А. В., Вольф, М. Н. (2017). Неопрагматизм Дж. Марголиса. *Идеи и идеалы*. Т. 2. № 2(32). С. 3-16.

Kosarev, A. V., Volf, M. N. (2017). Joseph Margolis's Neo-Pragmatism. *Ideas and Ideals*. Vol. 2. no 2(32). pp. 3-16. (In Russ.)

Макеева, Л. Б. (1996). *Философия Х. Патнэма*. М.

Makeeva, L. B. (1996). *Philosophy of H. Putnam*. Moscow. (In Russ.)

Пирс, Ч. С. (2000). Как сделать наши идеи ясными. *Избранные философские произведения*. М. С. 276-278.

Pierce, Ch. S. (2000). How to Make Our Ideas Clear. In *Selected philosophical works*. Moscow. pp. 276-278. (In Russ.)

Лекторский, В. А. (ред.) (2015). *Релятивизм как болезнь современной философии*. М.

Lectorskiy, V. A. (ed.) (2015). *Relativism as a disease of modern philosophy*. Moscow. (In Russ.)

Рорти, Р. (1997). Релятивизм: найденное и сделанное. *Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст*. Ред. А. В. Рубцов. М. С. 11-44.

Rorty, R. (1997). Relativism: Finding and Making. In Rubtsov, A. V. (ed.) *Philosophical pragmatism of Richard Rorty and the Russian context*. Moscow. pp. 11-44. (In Russ.)

Danavey, Sh. G., Frisina, W. G. (eds.) (2006). *The Pragmatic Century. Conversation with Richard J. Bernstein*. Albany.

Margolis, J. (1991). *The Truth about Relativism*. Oxford & Cambridge.

Margolis, J. (2002). *Reinventing Pragmatism: American Philosophy at the End of the Twentieth Century*. Ithaca.

Margolis, J. (2003). *The Unraveling of Scientism: American Philosophy at the End of the Twentieth Century*. Ithaca.

Margolis, J. (2007) (2nd ed.). *Pragmatism without Foundations: Reconciling Realism and Relativism*. New York.

Margolis, J. (2010). *Pragmatism's Advantage. American And European Philosophy at the End of the Twentieth Century*. Stanford.

Margolis, J. (2012). *Pragmatism Ascendent. A Yard of Narrative, a Touch of Prophecy*. Stanford.

Putnam, H. (1981). *Reason, Truth and History*. Cambridge.

Putnam, H. (1990). *Realism with a Human Face*. Cambridge.

Rorty, R. (1982a). *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis.

Rorty, R. (1982b). Pragmatism, Relativism, and Irrationalism. In Rorty, R. *Consequences of Pragmatism*. Minneapolis. pp. 160-175.

Rorty, R. (1989). Solidarity or Objectivity? In Krausz, M. (ed.) *Relativism: Interpretation and Confrontation*. Notre Dame. pp. 35-50.

Rorty, R. (1991). Objectivity, Relativism, and Truth. In Rorty, R. *Philosophical Papers*. Vol. 1. Cambridge.

Rorty, R. (1993). Putnam and the Relativist Menace. *The Journal of Philosophy*. no 90. pp. 443-461.

Siegel, H. (2004). Relativism. In Niiniluoto, I., Sintonen, M., Woleński, J. (eds.) *Handbook of Epistemology*. Springer Science + Business Media Dordrecht. pp. 747-780.

Сведения об авторе / Information about the author

Косарев Андрей Викторович – кандидат философских наук, старший преподаватель отдела подготовки кадров в аспирантуре Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8. e-mail: andrkw88@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.11.2020

После доработки: 27.11.2020

Принята к публикации: 01.12.2020

Kosarev Andrew – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer, Postgraduate Training Department at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: andrkw88@gmail.com

The paper was submitted: 15.11.2020

Received after reworking: 27.11.2020

Accepted for publication: 01.12.2020